

УДК 821.111

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЭПОХИ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР В РОМАНЕ ИЭНА МАКБЮЭНА «ДИТЯ ВО ВРЕМЕНИ»

© А.С.Иванова

Статья посвящена роману Макьюэна «Дитя во времени», который ознаменовал «этический поворот» в творчестве писателя и отразил усиление его интереса к социально-политическому контексту. В произведении Макьюэн апеллирует к исторической действительности и предпринимает попытку проанализировать процесс смены культурных ценностей. Одна из центральных проблем в романе – воздействие социальных и политических изменений на воспитание и образование в эпоху М.Тэтчер. В статье сделан акцент на особенности художественного изображения социополитических реалий эпохи М.Тэтчер и их роль в отражении авторского взгляда на историю Британии 1980-х. Выявляется авторская концепция человеческой личности (ее духовной и ментальной составляющей) в эпоху кардинальных изменений и преобразований.

Ключевые слова: английская литература, тэтчеризм, проблема образования, Иэн Макьюэн, театральность, феномен детства.

Эпоха Маргарет Тэтчер стала объектом пристального внимания со стороны британской литературы последних десятилетий. Об этом свидетельствует целый ряд произведений, в которых в том или ином аспекте раскрывается образ Британии 1980-х. Речь идет о таких именах, как Мартин Эмис, Джулиан Барнс, Грэм Свифт, Джонатан Коу, Мальком Брэдбери и др. Социально-культурное пространство эпохи является одной из центральных проблем и в романе Иэна Макьюэна «Дитя во времени» («The Child in Time», 1987).

В произведении изображается недалекое будущее Англии (относительно времени создания книги) – действие романа происходит на исходе двадцатого века. Роман повествует о двух годах жизни детского писателя, а также члена подкомитета по охране детства Стивена Льюиса, чья размеренная и счастливая жизнь рушится после похищения его дочери в супермаркете. Неудачные попытки вновь обрести семейное счастье приводят к тому, что он расходится с женой и лишь в конце повествования супруги обретают шанс на воссоединение с перспективой появления на свет второго ребенка. Несмотря на фикциональный характер сюжета, в произведении можно обнаружить отсылки к историческим реалиям эпохи Маргарет Тэтчер: реформам, проектам, интервью и т.д.

Апеллируя к исторической действительности, Макьюэн пытается отразить в романе процесс смены культурных ценностей в области воспитания и образования в Англии конца 1980-х. С начала правления Маргарет Тэтчер образование стало мыслиться как важный фактор экономического прогресса и подчиняться законам рыночной экономики. Этому процессу способствовала знаковая реформа – «Закон об образовании» (1986-1988), ре-

ализация которого привела к целому ряду важных изменений: усилению влияния школьных советов, сильной дифференциации учебных заведений, вовлечению в процесс образования представителей бизнеса, заинтересованных в формировании «рабочей силы». В результате система образования стала подчиняться законам рыночной экономики с культом конкуренции, которая порождает социальное неравенство. Так, Ж.Л.Тьерри в своей монографии «Маргарет Тэтчер: от бакалейной лавки до палаты лордов» акцентирует на этом внимание, цитируя премьер-министра: «Воспитание и образование – это вопрос перспектив, вопрос будущего, а перспектива как раз и состоит в том, чтобы быть неравными» [1: 124].

Авторская оценка современных проблем в сфере воспитания и образования находит свое отражение в ряде художественных образов. В произведении Макьюэна можно выделить три центральные темы («Руководство...» вряд ли можно считать образом), связанные с проблемой образования: школа, подкомитет по образованию и «Руководство по воспитанию». Хотя действие романа и обращено к недалекому будущему, с этими темами у Макьюэна связаны многие процессы, которые происходили в обществе в результате реформ Маргарет Тэтчер.

Образ школы в романе обусловлен реализацией коммерческого проекта. Писатель в абсолютизированной форме представляет те процессы, которые происходят в школе в конце 1980-х. Описание самого помещения основано на принципе контрастного соотношения внешнего и внутреннего вида: «Школа занимала несколько зданий, выстроенных в поздневикторианском стиле, с высокими окнами и вздымавшимися под разными углами крутыми кровлями» [2]. Несмотря на ком-

мерческий статус школы, автор изображает «обшарпанное» изнутри, не подвергавшееся ремонту с момента его постройки здание, «тесные парты» и «крохотные деревянные сиденья»: «обстановка была знакома Стивену со школьных лет: та же рыжая плитка на полу, стены покрыты глянцевой кремовой краской, чтобы их легче было мыть <...> Плитки линолеума под ногами были стерты до самого бетона, так что на полу образовалась щель, убегавшая вперед» [2]. Расставленные в коридорах на полках цветы в горшочках – символ мещанского мира, примитивной жизни современных предпринимателей – намекают на духовную нищету и косность тех, кому школа принадлежит и чьи идеалы основаны на материальном достатке. Контраст, лежащий в основе описания внутреннего пространства здания и его фасада, подчеркивает критическое отношение автора романа не столько к владельцу школы, который не заинтересован в поддержании порядка и заботе о детях, сколько к самой системе среднего образования, реформируемой Тэтчер. Заявленная пассивность со стороны администрации школы противоречит здравому смыслу, так как одна из первых задач учебного заведения – создать комфортные условия существования учеников.

Целый ряд деталей создает атмосферу абсурда, царящего в школе: классные комнаты переполнены, в гимнастическом зале не наблюдается никаких снарядов, кроме коня, через которого один за другим безостановочно прыгают дети, из раскрытых дверей доносится запах сигарет и нервный спор о вымирании тритонов, а посторонний взрослый человек может как ни в чем не бывало зайти в класс и присоединиться к уроку в качестве ученика.

Так, пространство школьного здания символически передает идею иллюзорного благополучия в системе среднего образования. Фасад постройки становится декорацией, ширмой, за которой спрятана нравственно деградирующая личность.

Проявляется абсурдность и театральность образовательного процесса в образах учителей, которые в романе подчеркнута шаблоны. Так, один из них – учитель физкультуры – сводит свой урок к набору однообразных действий: «На резиновом мате, поддерживая приземлявшихся учеников, стоял подтянутый пожилой мужчина; на шее у него болтались очки на серебряной цепочке. Каждый раз, когда очередной прыгун отрывался от доски, мужчина издавал отрывистое «Ап!» <...> Ни разу с губ учителя, напоминавшего инспектора манежа в цирке, не сорвалась похвала или наставление. Он произносил свои «Ап!» абсолютно ровным тоном. Не похоже бы-

ло, чтобы у него в запасе имелись другие упражнения, потому что других снарядов в зале не наблюдалось. Выполнив прыжок, дети тут же бежали обратно, без единого слова или лишнего движения. Трудно было представить, что этот процесс может прерваться» [2]. Лаконичное описание урока физкультуры обращает внимание на рутинность и однообразность происходящего, безразличное отношение учителя к детям. За якобы последовательными действиями преподавателя скрывается бездумный подход к обучению. Автор стремится к комическому эффекту в создании образа учителя физкультуры, выражая тем свое критическое отношение в вопросах формального, механистического подхода к обучению. Здесь усматривается и сарказм: дух соперничества, который, по мысли Тэтчер, должен был доминировать в школах коммерческого типа, подменяется набором одинаковых, ничем не отличающихся друг от друга действий учеников. Тем самым романист развенчивает идею развития конкурентоспособности и самореализации.

Другой образ – учительницы то ли истории, то ли рисования – в иной манере демонстрирует присущую школьному образованию театральность, он подчеркнута натуралистичен и правилен: ее фразы шаблонны, действия нарочито соответствуют стандартному образу учителя: «Она [учительница] заботливо разложила перед ним [Стивеном] бумагу и протянула горсть цветных карандашей. Стивен принялся за свой рисунок деревни <...> Учительница не торопясь, с неспешной самоуверенностью обошла ряды, останавливаясь то тут, то там, чтобы негромко высказать неодобрение или похвалу <...> Понравится ли ей, как тщательно он изобразил колодец, с каким небрежным изяществом оставил неравные промежутки пространства между хижинами, как смело пририсовал лошадь, пасущуюся возле замка? <...> Ее пальцы с накрашенными ногтями на мгновение коснулись зеленой лужайки посреди нарисованной им деревни, и она пошла дальше, не сказав ни слова. Стивен испытал знакомое мимолетное разочарование» [2]. Разочарование героя вызвано равнодушным отношением учительницы, действия которой идут в разрез с принципом индивидуального подхода в обучении. Напротив, автор изображает не индивидуальности, но однородную массу учащихся в «переполненном классе».

В итоге образы учителей воплощают бездушность и формализм школьного образования в эпоху Тэтчер, несут в себе идею образования как товара.

Сатиричен и образ директора школы, который вместе с одним «уважаемым местным биз-

несменом <...> выкупил школу у системы государственного образования» [2]. Уже в описании его внешности подчеркивается театральная условность образа. Резкий свет из окна (ассоциирующийся со светом рамп) стирал «впечатлительные объемы», делал предметы в кабинете «бесцветными», «так что директор, сухощавый человек с выправкой военного, сидевший за столом, казался вырезанным из толстого картона. Впечатление это усиливалось еще и тем, что он не пошевелился, когда Стивен с девочкой вошли в кабинет, не сказал ни слова, не моргнул и вообще никак не отреагировал, глядя мимо них в пространство» [2]. «Картонная» внешность директора соотносится с театральными декорациями. Кроме того, сам диалог построен так, что слова скрепляет не речь нарратора, а как бы авторские ремарки в пьесе. Намек на искусственность усиливается описанием позы директора, который стоял, «положив руку на спинку кресла, словно позируя для портрета, достойного занять место в офицерской столовой». Директор играет роль военного, которого автор изображает, казалось бы, ненавязчивыми мазками: «Внушительная осанка», жесты: «директор щелкнул пальцами, указывая на дверь» [2], намеренное подчеркивание своего статуса «сэр» в разговоре с ученицей, которую Стивен принял за свою дочь. Однако эта сценичность разрушается упоминанием небольшой реалистической детали: «Стивен с облегчением заметил жирные пятна на форменном галстуке» [2]. Расхождение между ролью и реальностью создает комический эффект, подчеркивает неестественность директора – человека, который несет ответственность за процесс обучения в выкупленной им у государства школе. Нравственные ценности нивелируются и подменяются материальными. Таким образом, директор олицетворяет дух предпринимательской эпохи Англии 1980-х. Мотив иллюзорности, маски важен для характеристики Макьюэном действительности: само образование и воспитание становятся подделкой и не несут в себе истинных ценностей.

Описание школы носит явно сатирический характер. Такой подход к изображению действительности отражает критическую оценку Макьюэном романа социально-экономических процессов. Все это подчеркивает авторскую идею, что реорганизация, которая коснулась образования на законодательном уровне и должна была вывести эту сферу социальной жизни Британии на принципиально новую, более высокую ступень, в конечном счете не принесла никакого существенного результата. Школа, как и школьное образование, становятся ширмой, за которой спря-

тано отсутствие личностного развития, местом по «производству» экономических единиц, а не воспитания человека.

Вторая, связанная с образованием тема – подкомитет – более политизирована. В ней писатель усиливает ту критику реформ Маргарет Тэтчер, которая присутствовала в описании школы.

Как и пространство школьного здания, кабинет в Уайтхолле, в котором проводятся еженедельные заседания подкомитета, становится образом символическим. Однако внутреннее пространство кабинета обладает более сложным уровнем организации. Контраст, лежащий в основе этого образа, создается не посредством описания противоположных деталей, но с помощью монтажа двух временных слоев: писатель сталкивает происходящее на заседании с воспоминаниями героя.

Монтаж хронологических пластов создает ощущение сценического представления. Скучное описание обстановки кабинета напоминает декорации в театре, служащие фоном, на котором разворачивается основное действие – внутренняя жизнь Стивена: «Полная комната людей не столько отвлекала его от ухода в себя, как он надеялся, сколько ускоряла бег мыслей и придавала им стройность <...> Порой он твердил про себя заезженные, навязчивые речи, исполненные горечи и печальных обвинений, отточенные от многократного повторения. В то же время Стивен вполуха слушал, о чем говорили на заседании» [2] и т.п. Так, воображение Стивена, которое изначально «цепляется» за детали, организующие пространство кабинета, кажется более реальным, чем то, что происходит в стенах Уайтхолла в данный момент. Это столкновение личной трагедии и будничного «представления» создает ощущение бессмысленности и незначительности происходящего на заседаниях подкомитета.

Детали, организующие пространство, выполняют важную функцию: «Сама комната, в которой проходили заседания, была ему знакома. Он чувствовал себя как дома рядом с коричневыми бакелитовыми выключателями, рядом с электропроводкой в некрасивых пластмассовых трубках, проложенных прямо по стене. В школе, где он учился, кабинет истории выглядел очень похоже: тот же потертый, настоявшийся уют, тот же длинный выщербленный стол, который кто-то все еще давал себе труд полировать, та же дурманящая смесь призрачной величавости и сонного бюрократизма» [2]. Обращение к образу школы в контексте такого временного разрыва, во-первых, усиливает эффект визуального восприятия обветшалости здания, во-вторых, вызывает ассоциации с закостенелостью образовательного

процесса. А благодушная обстановка уничтожается упоминанием о том, что «в одной из мрачных комнат Уайтхолла <...> в 1944 году разрабатывались планы ночных бомбардировок германских городов» [2]. Отсылка ко Второй Мировой войне, когда в Англии планировали ночные атаки на немецкие города, пробуждает воспоминание о чем-то жестоком и агрессивном, косвенное упоминание о фашизме невольно создает параллель с тоталитарным характером нынешней власти. Контрастное соотношение этого факта с «настоящим уютом» рассеивает иллюзию последнего и переносит мысль о разрушительном характере войны на правительственные установки в области системы воспитания. Так, ассоциативный монтаж реорганизовывает внешне благоприятную атмосферу пространства кабинета Уайтхолла и вызывает ощущение ее фиктивности.

Согласно официальной версии, цель комитета, «записного любимца нынешнего премьер-министра», – создание «руководства по воспитанию ребенка», которое включало бы в себя рекомендации передовых ученых в области педагогики и психологии. Замысел вытекал из побуждений главы правительства очистить общество от людей «дурного сорта», которых «по общему мнению, вокруг было слишком много». Подобная циничная формулировка заставляет задуматься об истинности «благих намерений» правительства. Также важно отметить, что в этих словах содержится явная аллюзия на идею Тэтчер о «равенстве права», благодаря которому лучшие становятся лучше, а легитимность богатства – справедливая награда за работу и талант. Эта параллель усиливает справедливость вывода об окончательном распаде системы ценностей во всех сферах жизни английского общества.

Мысль о разрушительном воздействии экономических и политических установок на сферу воспитания ребенка становится более очевидной благодаря формулировке в самом начале романа истинной цели подкомитета, которая «согласно циничным утверждениям сводилась к тому, чтобы удовлетворять противоречивым запросам неслетного количества заинтересованных групп – сахаропромышленных и гамбургерных лобби, производителей детской одежды, игрушек, искусственных молочных смесей и фейерверков, благотворительных учреждений, женских организаций, группы давления сторонников пешеходных переходов «пеликан», – которые давили сразу со всех сторон. Редкие влиятельные силы отказывались от услуг подкомитетов» [2]. Заявленный нарратором ироничный тон в интерпретации этой цели делает ее абсолютно реальной. По сути, образ подкомитета – аллегорическое

изображение монетаристской политики Тэтчер – политики потребления, которая проникла во все сферы жизни английского общества. Ее губительные результаты не требуют развернутого комментария. Достаточно взглянуть на полное название организации: «комитет по *охране* детства». Ирония, которая содержится в нем, дискредитирует саму сущность этой организации, обнажает абсурдность и фиктивный характер ее деятельности.

В этом аспекте значимым представляется описание самой работы подкомитета: вопросов и предложений, которые поднимались на заседаниях. Предметы обсуждений варьировались от обучающего фонетического алфавита до целесообразности издания детских книжек с картинками. Здесь принципиальны два противоположных по содержанию проекта: фонетический алфавит, цель которого – развить навыки письма и чтения в более раннем возрасте, и проект, направленный на снижение возрастного уровня обучения грамоте. По убеждению разработчика последнего вопроса, ребенка «нельзя знакомить с грамотой преждевременно, до того, как это произойдет само собой, в соответствии с генетически заложенной программой развития мозга, по достижению жизненно необходимой способности отделять свое «я» от остального мира» [2]. Нет ничего удивительного в том, что члены подкомитета еле сдерживали смех, слушая второй доклад. Однако по итогам голосования подкомитет отверг и первый проект. В процессе дискуссии, изображенной широкими мазками, обходясь общими, как бы итоговыми фразами (в противоположность подробному повествованию о внутренней жизни Стивена), нарратор акцентирует внимание на том, что проблема в области образования оказывается гораздо глубже, чем просто раннее развитие навыков чтения: «Профессор, предлагавший ввести фонетический алфавит, начал говорить о дислексии, о распродаже государственных школ, о нехватке жилья. Послышалось несколько недовольных восклицаний. Обычно уравновешенный, профессор возвысил голос. Две трети одиннадцатилетних школьников из центрального Лондона, заявил он, не умеют читать и писать. Тут вмешался стремительный, как ящерица, Пармен-тер. Потребности специальных детских групп, сказал он, не стоят на повестке дня их подкомитета. Сидевший рядом с ним Канхем усиленно закивал. Подкомитет занимается целями и средствами, а не патологиями» [2]. За исключением нескольких человек, никого из присутствующих не интересуют реальные проблемы. Более того, поднятые на совещании, они намеренно игнорируются, предпочитают задачи, решение кото-

рых очевидно. Тем самым расширяется ощущение призрачного характера деятельности этого государственного органа: вопросы, которые должны внести ясность в проблемную сферу образования и воспитания ребенка, необходимы исключительно для поддержания видимости функционирования этого правительственного органа. Иллюзорность его деятельности раскрывается на завершающих этапах существования подкомитета, когда «приятные ланчи» с председателем разрешили непреодолимые противоречия и «способствовали резкой перемене взглядов». В итоге «большинство коллег Стивена прониклись чувством, что выполнили возложенную на них задачу, составив документ, рассудительный по тону и безусловный по характеру своих положений» [2], который соответствует запросам социальной действительности. Последний аргумент раскрывает не только лживый, но также разрушительный характер власти, которая подчиняет личностное начало, что идет в разрез с установками Тэтчер на развитие индивидуальности и конкурентоспособности каждого человека. Контраст внутреннего (реального) и внешнего содержания целей подкомитета, а также специфический подход к обсуждаемым вопросам усиливает сатирическое звучание темы образования и воспитания в эпоху 1980-х.

Мысль о фиктивном характере деятельности подкомитета приобретает большую убедительность благодаря высказыванию отца Стивена: «Они всегда делают только то, что им выгодно, сынок. Я уже говорил, вы напрасно теряете время. Ваш отчет давно уже тайком написан, а вы попросту ломаете комедию» [2]. Герой видит во всей деятельности правительства хорошо прописанный сценарий. Отец Стивена замечает, что это беда не столько сегодняшней жизни, сколько проявление неизменного властного духа политики как таковой. Тем не менее эпоха, изображенная в романе, достигла апогея в лицемерии: связь правительства и человека держится лишь на внешней, показной заботе первого об обществе. Слова отца Стивена имеют большой вес, так как, во-первых, персонаж представлен как умеренный авторитет патриархального послевоенного общества, во-вторых, характер его высказывания оказывается пророческим, что в полной мере раскрывается в «Официальном руководстве по детскому воспитанию».

Образ подкомитета по защите детства занимает в романе важное место. Широкий спектр приемов, которые использует автор при создании отдельных аспектов этого образа: монтаж, аллегория, сатирические средства, – определяют дух абсурда и театральности в системе культурно-социальных инсти-

тутов. Комплекс вышеперечисленных приемов придает роману инвективную тональность, создает представление о трагической всеохватности прополитического характера современной действительности. Образ подкомитета реализует мысль о том, что реформа образования и воспитания Тэтчер не учитывает нравственные потребности человека, разрушает духовные основы общества и, как следствие, оказывается в корне неконцептуальной и несостоятельной.

Проблема коммерциализации духовных институтов, в частности института воспитания и образования, в полной мере раскрывается в «Официальном руководстве по детскому воспитанию».

Описанию самой книги по воспитанию, «на пустой обложке [которой] стояло слово “Гранки”, а ниже был небрежно наклеен белый ярлычок с надписью: “Для служебного пользования. Код Е-8. Копия №5”» [2], отводится в сюжете романа не так много места. Тем не менее этот образ глубоко символичен. Так, например, упоминание на обложке «Руководства» слова «гранки» подчеркивает тот факт, что книга не доделана и, как следствие, не пригодна к реализации. При этом размноженная копия не предназначенного для воспроизведения «Руководства» делает этот проект изначально абсурдным.

Важно также место «Руководства» в композиционной организации романа. Этот образ существует на двух уровнях: сюжетном и внесюжетном в виде системы эпитафий. В организации сюжета романа примечательно деление на две части. Первая (большая) часть посвящена переживанию Стивеном личной трагедии: текст насыщен воспоминаниями героя, его размышлениями над собственной жизнью, внешнее проявление которой сводится к воспоминаниям о поисках дочери, посещениях заседаний подкомитета и просмотру «развлекательно-отупляющих» шоу по телевизору. Увиденная мельком в толпе детей девочка кажется герою его дочерью, и он бросается за ней в школу. Однако его надежды не оправдываются: выясняется, что это не его дочь. Этот момент становится поворотным в его сознании и сюжете романа, обретает статус опорной точки композиции книги. Герой уже не концентрируется исключительно на своей потере, его внимание начинают привлекать и другие проблемы. Для этого автор уменьшает количество развернутых описаний мыслей и чувств героя, уплотняет сюжет, насыщая его внешними событиями, среди которых заметное место занимают смерть Чарльза Дарка, рождение ребенка, публикация «Официального руководства по воспитанию». Все эти события умещаются в трех главах из девяти. Помещение

«Руководства» в опорной точке композиции, которая приходится на финал романа, акцентируется смертью Чарльза Дарка – соавтора премьер-министра по книге. Все это, во-первых, говорит о значимости образа для раскрытия проблематики произведения, во-вторых, выводит на первый план отрицающий пафос всего романа.

Еще более мрачное звучание тема «Руководства» приобретает в системе внесюжетных элементов. Макьюэн помещает в качестве эпиграфов выдержки из «Официального руководства по детскому воспитанию» – письменного документа, существующего лишь в пространстве самого романа. Уже в самом его названии звучит мысль о бескомпромиссном, неуклонном характере выполнения предписанного. Так, некоторые заголовки книги, которые перечисляются нарратором, говорят о тоталитарном духе в подходе к воспитанию ребенка: «Дисциплинированное сознание», «Укрощенная юность», «Безопасность в подчинении».

Основная тема, которая раскрывается в системе эпиграфов, – феномен детства, его место и роль в жизни не столько родителей, сколько культуры и политики страны. Такая прополитическая характеристика проблемы обозначена в тексте «Руководства». Так, например, в эпиграфе к V главе детство поднимается на уровень «открытия, социального изобретения, которое стало возможным с повышением интеллектуального уровня и материального достатка в обществе» [2]. Идейное содержание эпиграфов напоминает стиль тэтчеристской политики, который распространяется не только во взрослом мире маркетинга, но и в мире детства. Это стереотипы, которые выгодно воспитывать в ребенке для процветания страны: «Больше, чем уголь, больше даже, чем ядерная энергия, дети – залог нашего будущего» (из эпиграфа к гл. IX), а «реформа образования должна возродить страну» [2]. Все это очень напоминает содержание высказываний Маргарет Тэтчер. Так, например, в одном из интервью она заявляла, что дети – «фундаментальный большой трест» [3]. Нельзя не согласиться с О.А.Джумайло, которая видит в образе Тэтчер в романе суррогатную мать нации, «воспитывающую» своих детей в тех искусственно созданных условиях. Эти условия соответствуют ее диктаторскому стилю воспитания, где созданное ею «Руководство» – жесткая система правил [4]. Правительство стремится распространить свою власть на человека с момента его рождения, направляя его интересы в русло материальной выгоды, а следовательно – «одномерности».

В контексте всего романа выдержки из руководства по характеру своего содержания скорее

напоминают злую сатиру и похожи на циничный памфлет Дж.Свифта «Скромное предложение», в котором автор, выражая глубокую озабоченность бедственным положением ирландцев, предлагает в качестве решения проблем перенаселения страны абсурдные и страшные вещи каннибалистского толка. Идеологический подтекст романа в контексте выше обозначенной аллюзии на памфлет Дж.Свифта также напоминает содержание речи Кита Джозефа о «хорошо организованном контроле над рождаемостью», которую он произнес 19 октября в Бирмингеме¹, – таким образом, «Руководство» получает язвительную оценку.

Через систему эпиграфов и ряд аллюзий на исторические и художественные реалии Макьюэн стремится передать дух эпохи, атмосферу, царившую в Британии в период правления консервативной партии. На это указывает не только содержание выдержек из «Руководства», но и стиль формулировок: относительно резкий, четкий, стремительно-убедительный, он имитирует речь публичных выступлений самой Маргарет Тэтчер.

«Руководство по воспитанию» является значимым композиционным элементом, художественно воплощенным в сюжете и системе эпиграфов. В контексте образа «Руководства» проблема воспитания приобретает новые оттенки, которые создаются за счет изображения тоталитарного характера власти. Обличительный тон автора раскрывается за счет критического описания «Руководства», системы аллюзий на современные автору политические реалии. Однако исторические события, которые стали основой для такого изображения романной действительности, не конкретизированы, но лишь намекают на время периода правления Маргарет Тэтчер.

Переориентация политических и экономических институтов в эпоху тэтчеризма повлекла за собой изменения в духовной и социальной сфере, в том числе образовании и воспитании. Ма-

¹ К.Джозеф, один из фаворитов М.Тэтчер, выступил с речью «о качестве жизни, общественной морали, ... необходимых для оздоровления общества». Одним из путей оздоровления он назвал «хорошо организованный контроль над рождаемостью», который, как он утверждал, эффективнее у представителей семей среднего класса, чем у бедных семей. Такие семьи оказываются неспособными воспроизводить «качественную человеческую породу». Во избежание «дегенерации» нации и с целью снижения рождения «проблемных детей», матери которых отличаются «низким интеллектом и образованностью», Джозеф призвал отбросить моральную оппозицию расширению контроля над рождаемостью для тех, от кого исходит эта угроза. (Цит. по *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. – М.: Наука, 1996. – 301 с.)

кьюэн не просто отражает актуальное состояние образования и общества как такового, но конструирует на их базе возможные модели развития событий. В основе развития тем, имеющих отношение к образованию и воспитанию как основных компонентов фона эпохи, лежит принцип контраста, театральности, иронического и сатирического осмеяния изображаемых явлений. Такой подход свидетельствует о том, что писатель стремится подчеркнуть осязаемую нестабильность современных реалий, разрушительную силу рыночного подхода в духовно-нравственной сфере, которые ведут к отчуждению человека, измельчанию личности.

1. *Тьеро Ж.Л.* Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 528 с.
2. *Макьюэн И.* Дитя во времени // Электронная библиотека «Либрусек». URL: <http://lib.rus.ec/b/97245> (дата обращения 30.04.2014).
3. *Thatcher M.* Interview for «Woman's Own» («No Such Thing as Society») // In Margaret Thatcher Foundation: Speeches, Interviews and Other Statements. London. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/106689> (дата обращения 30.04.2014).
4. *Джумайло О.А.* Английский исповедально-философский роман 1980-2000 гг. – Ростов-на-Дону: изд-во Южного федерального университета, 2011. – 320 с.

HISTORICAL FACTS OF MARGARET THATCHER'S EPOCH IN McEWAN'S NOVEL «THE CHILD IN TIME»

A.S.Ivanova

The article is about McEwan's novel *The Child in Time* which marks the "ethical turn" in his writing and reflects the increase of his interest in socio-political context. In his novel, McEwan appeals to historical reality, attempting to analyze the process of change in cultural values. One of the central problems in the novel is the influence of socio-political changes on upbringing and education in Margaret Thatcher's time. The article focuses on the features of the fictional image of socio-political realities in Margaret Thatcher's time and their role in reflecting the author's view on the history of Great Britain in the 80s. The author's concept of personality (both its spiritual and mental constituent) during the epoch of cardinal changes and reforms emerges in the novel.

Key words: English literature, Thatcherism, problem of education, Ian McEwan, theatricality, phenomenon of childhood.

1. *T'erio Zh.L.* Margaret Tetcher: Ot bakaleynoy lavki do palaty lordov. – М.: Molodaya gvardiya, 2010. – 528 s. (In Russian)
2. *Мак'юен И.* Ditya vo vremeni // Elektronnyaya biblioteka «Librusek». URL: <http://lib.rus.ec/b/97245> (data obrashcheniya 30.04.2014). (In Russian)
3. *Thatcher M.* Interview for «Woman's Own» («No Such Thing as Society») // In Margaret Thatcher Foundation: Speeches, Interviews and Other Statements. London. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/106689> (data obrashcheniya 30.04.2014). (In English)
4. *Dzhumaylo O.A.* Angliyskiy ispovedal'no-filosofskiy roman 1980-2000 gg. – Rostov-na-Donu: izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2011. – 320 s. (In Russian)

Иванова Анна Сергеевна – аспирант кафедры Всемирной литературы Московского педагогического государственного университета.

119991, Россия, Москва, ул. М.Пироговская, 1/1.
E-mail: ann.s.ivanova@gmail.com

Ivanova Anna Sergeevna – graduate student, Department of World Literature, Moscow State Pedagogical University.

1/1 M.Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia
E-mail: ann.s.ivanova@gmail.com

Поступила в редакцию 15.05.2014